

ТАБЛЕТКА ОТ СТАРОСТИ

Ирина Мясникова

Карьєристкн

Ирина Мясникова

Таблетка от старости

«Автор»

2017

Мясникова И. Н.

Таблетка от старости / И. Н. Мясникова — «Автор»,
2017 — (Карьеристки)

Как поступить, если ты случайно узнала, что муж тебе изменяет? Какую роль играют соратники и сподвижники в новом деле? Как противостоять возмущенной общественности? Какие опасности таит в себе поиск вечной молодости? И как выйти замуж за секс-символа?«– Вот, помнится, лежу я на пляже в Ялте, мне двадцать три, а вокруг военные. – Эльвира Викентьевна при этих словах аж зажмурилась. Видимо вспомнила, как хорошо быть молодой, красивой и лежать на пляже. А, может, припомнила какого-нибудь особо выдающегося военного.– А я где в это время была? – поинтересовалась Шура. Конечно, она не хотела испортить матери настроение, но по тени, пробежавшей по прекрасному лицу Эльвиры Викентьевны, поняла, что именно это она своим вопросом и сделала.– Как где? – Эльвира Викентьевна на секунду задумалась. Даже попыталась сосредоточенно нахмуриться, но безукоризненный лоб, напичканный ботоксом и рестилайном, не поддался. – Вспомнила! Свекровь, бабушка твоя, приехала и увезла тебя к себе. Ну, в Сибирь!– Из Ялты в Сибирь? – ахнула Шура.– Почему из Ялты? – удивилась Эльвира Викентьевна. – Из Ленинграда. Это я в Ялту потом уже поехала.»

© Мясникова И. Н., 2017

© Автор, 2017

Ирина Мясникова

Таблетка от старости

Все, что ни делается, делается непременно к лучшему – гласит народная мудрость.

Вот интересно, если вы вдруг узнали, что ваш муж, с которым вы прожили в любви и согласии более двадцати лет, отправился совсем не в служебную командировку, а наладился в город вечной любви Париж вместе со своей любовницей? И это не какие-нибудь сплетни, досужие домыслы и фантазии, а вполне себе установленный факт. Даже фамилия любовницы известна. Это как? К лучшему?

При этом вы смотрите в зеркало и понимаете, что любовь все-таки штука взаимная. Ведь в зеркале вы обнаруживаете отнюдь не русалку, которой были когда-то, а вполне себе пупырчатую жабу. Расплывшаяся фигура, седые волосы, забранные в нелепый пучок простецкой пластиковой заколкой, морщины, тусклые глаза и вот это, ну, то что можно обозначить апофеозом всего этого безобразия – безразмерные тренировочные штаны с вытянутыми коленями. А ведь когда-то, кстати, еще совсем недавно, вы были успешной, красивой женщиной с широкими интересами. Вы занимались бизнесом, посещали концерты и выставочные залы. Сейчас же вы посещаете гипермаркет и радуетесь скидкам по акциям. И добро бы жили вы в нищете и являлись тем, что в народе называется «голь перекатная». Так нет же! Вы, можно сказать, если и не богатая, то зажиточная такая женщина, просто отчего-то решившая повиснуть на кресте. Кресте домашнего хозяйства.

Именно такое вот безобразие приключилось с Верой Жеребовой, в девичестве Тихоновой. Первым делом, получив известие о предательской измене супруга, она, конечно, собралась сигануть с балкона, потом справедливо решила, что такого удовольствия коварному изменщику Жеребову и его любовнице она ни за что не доставит. Это пусть в кино девчонки с балконов прыгают, а Вера задумала отомстить. Как? А как это положено у девочек? Разумеется, она опять станет молодой красавицей и заведет себе любовника! Вот! Благо деньги на возврат былой красоты у Веры имелись. Деньги коварного изменщика на многочисленных карточках, к которым у Веры был безграничный доступ. Ну, и сейф какой-никакой с иностранной наличностью в доме располагался. Как без сейфа-то? А кроме денег у Веры имелись еще и хорошие знакомые за рубежами родины. Ведь где еще, как не за рубежами нашей прекрасной родины, медицина так рванула вперед, что вот-вот таблетку от старости изобретет?

За красотой и молодостью Вера отправилась не куда-нибудь, а в специальную итальянскую клинику, где её мучили диетами, фитнесом, массажами, уколами и даже скальпелем. Вера мужественно терпела все экзекуции, не зря же говорят, что красота требует жертв. То есть, боли и денег! Красота вернулась, а Вера передумала мстить мужу. Вот скажите, зачем мстить постороннему человеку? Слишком много чести! Вдали от дома с его кастрюлями, домашними заготовками, парниками и грядками, с ежедневными мыслями, чего бы еще вкусенького приготовить, с поисками экзотических рецептов и прочими домашними заботами Вера вдруг поняла, что практически профукала свою жизнь. И не оттого ли она так наплевала на себя, что муж давно перестал ее любить? Или это все же она перестала любить его и придумала себе подвиг домохозяйки, чтобы как-то оправдать совместное сосуществование?

Вера всерьез задумалась о разводе.

«Надо не любовника заводить, а жизнь менять, и тогда уж точно все будет хорошо! В смысле, сделается к лучшему», – думала она, глядя на себя в зеркало. Там она видела молодую энергичную и очень красивую женщину, у которой жизнь еще только начинается. И неужели смыслом жизни этой замечательной женщины может стать примитивная месть супругу? Да, бог с ним, с Дмитрием Ивановичем Жеребовым. Пусть катится на все четыре стороны, а Вера

пойдет своим путем. И не будет бояться. Ведь там на ее пути еще много всего интересного и хорошего.

Более того, за время, проведенное в итальянской клинике, Вере пришла в голову блестящая мысль, устроить подобную клинику дома, в России, где-нибудь под Питером. Чтобы любая дамочка, оказавшаяся в ее положении, смогла собрать вещички, положить на прошлое кирпичик и отправиться на реабилитацию. Такая вот Перезагрузка!

Когда Вера вернулась из Италии, она отправилась жить на «дачку». Дачкой в семье именовался километр загородной недвижимости на двух с половиной гектарах соснового леса. По телефону она объявила супругу, что намерена с ним разводиться. Конечно Дмитрий Иванович Жеребов тут же примчался, но увидев Веру, остолбенел, даже рот разинул. Вера получила огромное удовольствие от его рожи. Небось, лахудра, с которой он в Париж мотался, родной жене и в подметки не годится. Еще бы, видать молодость является главным достоинством этой выдры! В том, что выдра моложе неё, Вера не сомневалась. Все они одинаковые пни эти старые. Кризис среднего возраста у них, видите ли, вот они за молодых баб и хватаются. Думают, молодая девка навряд ли таблетки от старости. А старый друг-то в результате оказывается лучше новых двух! Кроме того, ты еще найди такую дурищу, которая как жена, будет вокруг тебя скакать, пылинки сдувать, котлетки тебе жарить да рубашки и носки наглаживать! «Доширак» – вот, Жеребов, теперь твой горький удел! «Доширак» и «Галина Бланка» – буль, буль! А по праздникам «Магги» на второе.

Но больше всего Веру порадовало то, что при виде супруга сердце её не встрепыхнулось и не ёкнуло. Ну, ни капельки! Вера не испытала никаких чувств, кроме злорадства. Она смотрела на него, как на чужого, хоть и весьма симпатичного мужчину и тихо радовалась тому, что он ей теперь уже абсолютно не интересен. Ни он, ни его проблемы, ни его потенция, из-за которой в свое время она прозвала его Сельдереем. Ведь, как нас учит народная медицина, сельдерей – первое средство для улучшения мужской потенции. Уж с чем, с чем, а с этим делом у Жеребова Дмитрия Ивановича всегда всё было в порядке.

После развода Вера решила взять свою девичью фамилию Тихонова. Её не остановила даже необходимость менять при этом кучу документов, для чего пришлось постоять в огромных очередях. Просто Вере ни минуты не хотелось оставаться Жеребовой и даже вспоминать о том, что она когда-то ею была. Любой намек на принадлежность бывшему мужу раздражал Веру неимоверно. Она хотела начать жизнь с чистого листа, чтобы ничего не напоминало ей о постигшем её безобразии.

Сын Петруша к разводу родителей отнесся на удивление спокойно и к большой Вериной радости лишних вопросов задавать не стал. Ну, не объяснять же ребенку, что папа был пойман мамой на измене. Не говорить же сыну, что отец его козел и бабник.

Однако Дмитрий Иванович Жеребов, похоже, разводиться категорически не желал. Предлагал Вере деньги в неограниченном количестве и пытался всячески загладить свою вину. Но Вера настояла на своем. Причем требовала раздела совместно нажитого за годы семейной жизни имущества строго пополам. Тютелька в тютельку. «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей врагу не отдадим!» Под имуществом кроме квартир, машин и загородного дома Вера понимала еще и довольно прибыльную фирму своего супруга.

Некоторые дамочки при разводе пальцы растопыривают и давай хватать все подряд, что не приколочено, совершенно забывая об основном источнике всего этого изобилия. Вера же в свое время бизнесом занималась довольно успешно и имела об этом бизнесе кое-какое представление, поэтому при разводе оттяпала у супруга в первую очередь пятьдесят процентов акций его предприятия, а потом уже и машину марки «Лэнд Крузер», и любимую «дачку» площадью тысячу квадратных метров. Причем метров не простых, а нафаршированных всякой дорожкой хренью. Надо сказать, что Дмитрий Иванович Жеребов при отъеме у него имущества сопротивлялся несильно. Чувствовал, собака, свою вину. Единственное, о чем попросил,

чтобы Вера не встревала в бизнес, и обязался отчислять ей причитающиеся дивиденды в размере пятидесяти процентов от прибыли.

Встревать в бизнес Дмитрия Ивановича Жеребова Вера не собиралась. Первым делом после развода она продала любимую «дачку» и купила пригородный пансионат, в котором и решила оборудовать клинику в точности, как в Италии. Благо, еще будучи там, заручилась поддержкой у итальянских товарищей, а так же договорилась о поставке мудреного медицинского оборудования и покупке разных методик похудения и очищения измученного невзгодами женского организма.

Конечно, сын Петька доложил отцу про грандиозные Верины планы, и бывший супруг тут же примчался на уже проданную Верой «дачку».

– Верусик! Ну, какая клиника? – причитал он, пританцовывая вокруг Веры, упаковывающей свои личные вещи. – Ты же в медицине совсем не Копенгаген.

– Тамбовский волк тебе Верусик! – Вера, как никогда, была уверена в правильности своих действий, а мельтешащий перед глазами Сельдерея вызывал у нее раздражение. – Много ты понимаешь, в чем я разбираюсь, а в чем нет.

– Ты бы хоть ресторанчик какой-нибудь открыла, или там кафе, ну, или столовую вкусной и здоровой пищи. Это же твое! На худой конец кулинарный журнал можно учредить. Я тебе помогу. А тут клиника!

– Слушай, Жеребов! – назвать бывшего супруга Димой или Сельдереем у Веры язык не поворачивался. – Поможет он мне! Ну, чем, скажи, ты мне можешь помочь?

– Советом. – Бывший муж преданно заглянул Вере в глаза. – И материально тоже могу помочь. Я ж не жадный.

Вера хмыкнула.

– Иди ты со своими советами. Ты, вон, уже мне как помог. – Вера обвела руками уже чужую пустеющую «дачку». – Двадцать лет моей жизни просрал. Убирайся к черту.

– Вер, ты не понимаешь. В медицине там такая конкуренция! Между своими, заметь. Скоро клиник этих и институтов красоты будет, как парикмахерских. В любом подъезде. У каждого врача своя клиника. А тут ты, откуда ни возьмись. Домохозяйка бывшая. Да тебя сожрут вместе с твоей клиникой.

– Небось подавятся, – смело заявила Вера, однако мысль, высказанная бывшим мужем, её насторожила. – Дело сделано. Отступать некуда.

– Как некуда? Еще как, есть куда! Ты ж еще можешь там в пансионате этом какой-нибудь гастрономический отель учудить. Для гурманов, например. А что? Да, к тебе гурманы валом повалят. Опять же журнальчик кулинарный на этой базе. Это ж золотое дно будет. Можешь меня взять в компаньоны. Я буду тебе сподвижником.

– Обойдусь, как-нибудь. – Вера вытолкала Дмитрия Ивановича Жеребова за дверь и задумалась: «А ведь он прав! Я же дело это только как потребитель, на своей шкуре испытала, а кухню-то изнутри и не знаю. Надо бы мне как-то сподвижниками и соратниками от медицины обзавестись. Но, где же их взять?»

Действительно, среди знакомых Веры Тихоновой медицинских работников не было. Ни одной штуки. Но Вера решила, что будет идти намеченным курсом, а сподвижники с соратниками как-нибудь организуются в процессе и, самое главное, все будет хорошо! Ведь все, что ни делается, обязательно происходит к лучшему.

* * *

– Вот, помнится, лежу я на пляже в Ялте, мне двадцать три, а вокруг военные. – Эльвира Викентьевна при этих словах аж зажмурилась.

Видимо вспомнила, как хорошо быть молодой, красивой и лежать на пляже. А, может, припомнила какого-нибудь особо выдающегося военного.

– А я где в это время была? – поинтересовалась Шура.

Конечно, она не хотела испортить матери настроение, но по тени, пробежавшей по прекрасному лицу Эльвиры Викентьевны, поняла, что именно это она своим вопросом и сделала.

– Как где? – Эльвира Викентьевна на секунду задумалась. Даже попыталась сосредоточенно нахмуриться, но безукоризненный лоб, напичканный ботоксом и рестилайном, не поддался. – Вспомнила! Свекровь, бабушка твоя приехала и увезла тебя к себе. Ну, в Сибирь!

– Из Ялты в Сибирь? – ахнула Шура.

– Почему из Ялты? – удивилась Эльвира Викентьевна. – Из Ленинграда. Это я в Ялту потом уже поехала.

Действительно, ну, почему не полежать на пляже, пока маленький ребенок так удачно устроен в Сибири. Сибирью в семье назывался бабушкин дом в пригороде Новокузнецка на берегу реки Томь. Надо сказать, что эту Сибирь Шура помнила хорошо. Огромный участок с садом и огородом, спелые чуть сладковатые помидоры «бычье сердце», невероятных размеров малина, яблоки, падающие в траву с глухим стуком и удивительно свежий запах близкой реки. Помнила Шура и большой бабушкин дом, и пианино «Красный октябрь», на котором никто не умел играть. Пианино Шура запомнила лучше всего, потому что на нем лежала белая кружевная салфетка, на которой выстроились в ряд маленькие белые слоники. С этими слониками Шура очень любила играть. Со слониками и с шахматами. Шахматы у бабушки тоже были выдающиеся: у каждой фигуры имелось свое лицо. Вообще, вещи в бабушкином доме всегда казались Шуре невероятно красивыми. И пузатый буфет с посудой тончайшего фарфора и сверкающим на солнце хрусталем, и огромный платяной шкаф с зеркалом до самого пола, и диван с валиками вместо подлокотников, и круглый стол с кружевной скатертью под большим абажуром, и бабушкина кровать с кучей подушек и кружевной накидкой, и красный ковер на стене у этой кровати. Правда, Эльвира Викентьевна во время своих редких молниеносных визитов в бабушкин дом обзывала эту красивую обстановку мешанской и безвкусной. Но так как Шура редко в чем соглашалась с матерью, воспоминания о времени, проведенном в бабушкином доме, у нее были очень даже приятные. Еще бы! Ведь кружевная накидка с подушек легко превращалась в пышную юбку, а надетая на голову салфетка из-под слоников делала Шуру настоящей принцессой, ну, или артисткой. Маленькая Шура могла часами вертеться перед зеркалом в этом наряде, изображая из себя то знаменитую певицу, то балерину, то телеведущую программы «Время». А еще Шура любила музицировать. Для этого она надевала себе на шею парадно-выходную бабушкину крепдешиновую юбку, садилась к пианино и задумчиво перебирала клавиши, тихо подпевая себе под нос нечто невразумительное. Ни дать ни взять, великая певица Алла Борисовна Пугачева в процессе сочинения новой замечательной песни. Бабушка после этих Шуриных музыкальных выступлений всегда говорила родителям, что ребенок необходимо обучать музыке. Ну, да кто ж её послушает, бабушку?

Насколько Шуре было известно, опять же с бабушкиных слов, та регулярно забирала Шуру к себе, чтобы Эльвира Викентьевна могла спокойно без помех закончить институт, который бросила после встречи с Шуриным отцом и последующим рождением Шуры. Однако из этой идеи почему-то ничего не получилось, и высшее образование для Эльвиры Викентьевны осталось чем-то недостижимым, да в принципе не очень-то и нужным.

– Ну, вот, сбила меня с мысли, как всегда! О чем это я говорила? – Эльвира Викентьевна укоризненно посмотрела на дочь.

– Лежишь ты на пляже в Ялте, а вокруг военные, – напомнила Шура и подперла щеку рукой, приготовившись услышать нечто необыкновенное. Такое интересное начало требовало не менее интересного продолжения.

– К чему же это я? – удивилась Эльвира Викентьевна. – Ах да! Тебе срочно пора замуж. Желательно за военного. Они люди удивительно дисциплинированные.

– Хорошо, так и сделаю, – согласилась с матерью Шура и живо представила, как хорошо будет командовать дисциплинированным военным. Она оглянулась по сторонам, как бы высматривая подходящего военного, но военные, как ни странно, отсутствовали. Наверное, попрятались, тоже представив, как ими собираются командовать разные предприимчивые дамочки.

– Может, в Ялту съездить? – ехидно поинтересовалась Шура у матери.

– А хоть бы и в Ялту! – огрызнулась Эльвира Викентьевна. – Надо будет Петровичу сказать, чтобы подобрал тебе кого-нибудь подходящего.

Петровичем Эльвира Викентьевна называла своего супруга, Шуриного отчима. Причем произносила она это «Петрович» непременно с легким акцентом, как Любовь Орлова в фильме «Цирк». Примерно так – «Пьетрофич». Следом за Эльвирой Викентьевной и Шура тоже стала звать отчима «Пьетрофич», да и Пьетрофич сам похоже привык к такому своему имени.

При словах матери о том, что Пьетрофич подберет ей кого-нибудь подходящего, в голове у Шуры тут же сама собой сложилась картина, как всемогущий Пьетрофич открывает какой-то волшебный сундук, в котором сложены потенциальные женихи для Шуры, и начинает их задумчиво перебирать.

– Мне бы лучше не военного, а бизнесмена, – заняла Шура. – Олигарха какого-нибудь, чтоб побогаче. Лучше всего нефтяного магната. Как думаешь, жена магната – это магнатка?

– Балда ты, Шурка! Ну, в кого ты такая балда уродилась? – Эльвира Викентьевна щелкнула дочь по лбу.

– Все плохое, что во мне есть, это от отца, а все хорошее – от любимой мамы, но этого хорошего чрезвычайно мало, – со вздохом печально доложила Шура.

– Действительно, вся в эту бездарность, ну, хоть ногами в меня и то хорошо! – Эльвира Викентьевна отхлебнула кофе, слегка отодвинулась от стола и положила ногу на ногу, явив окружающим легкомысленную короткую юбку и свои совершенные колени.

Великолепная Эльвира Викентьевна никогда не называла Шуриного родного отца иначе, как «эта бездарность». Конечно, изначально он свою бездарность тщательно маскировал, а то, как бы Эльвира Викентьевна за него замуж вышла? Да ни за что! Эльвира Викентьевна была девушкой не только чрезвычайно красивой, но и весьма рассудительной. Опять же родом она была из очень и очень приличной семьи. Ее родители регулярно чего-то строили где-то за границей. А из таких семей девушки, как известно, за кого попало, замуж не выходят. Так что Эльвира Викентьевна выходила замуж вовсе не за бездарность, а за очень перспективного кандидата наук. Не просто за какого-то младшего научного сотрудника или ассистента, а за доцента, успешно работающего над докторской диссертацией, то есть без пяти минут профессора и заведующего кафедрой. А там и до декана, а то и вовсе до ректора просто рукой подать. Отцовская же «бездарность» проявилась уже гораздо позже, когда сразу после защиты докторской, ему предложили возглавить кафедру в университете, но не Ленинградском, а Омском. Ему предложили, а он взял да и согласился! Ну, разве не бездарность? Умные люди кафедрами в Москве и Ленинграде заведуют, поэтому «бездарностям» разным только и остается по провинциальным университетам штаны просиживать. Ехать в Омск с мужем Эльвира Викентьевна категорически не собиралась. К тому времени она уже от души плюнула на высшее образование и украшала собой секцию мужской одежды в «Пассаже», самом красивом универмаге города Ленинграда. И не только Ленинграда, а, можно сказать, и всей страны.

По поводу возникшей вакансии заведующего кафедрой в городе Омске Шурины родители ругались долго и громко. В результате отец все-таки уехал в Омск. Мать топнула ногой и подала на развод. Отец особо не сопротивлялся и оставил Эльвире Викентьевне все, что имел

на тот момент, благодаря своей успешной научной карьере: двухкомнатную кооперативную квартиру и автомобиль марки «Жигули» первой модели.

Вскоре после развода родителей Шурина сибирская бабушка умерла, и Шурины регулярные «ссылки» в Сибирь прекратились. В настоящее время «эта бездарность» занималась научной работой и преподавала в Университете далекого австралийского города Мельбурна. Последний раз Шура видела отца, когда ей было семь лет. Однако алименты на содержание ребенка он регулярно перечислял Эльвире Викентьевне, причем в таких размерах, что она могла бы и вовсе не работать. Но назвать работу Эльвиры Викентьевны в «Пассаже» именно работой было никак нельзя. Она там царила. А при деньгах, присылаемых «Бездарностью», и благодаря непосредственной близости работников советской торговли к иностранным товарам Эльвира Викентьевна не только царила, но и блистала. Так что у бедного Пьетрофича, явившегося как-то в универмаг в поисках приличного пиджака, шансов пройти мимо Эльвиры Викентьевны не было никаких. Он был сражен ее красотой наповал и был вынужден даже развестись с женой, несмотря на наличие в семье двоих детей.

Надо сказать, что жена Пьетрофича была тоже не лыком шита и сразу же, как только на безоблачном семейном горизонте нарисовалась блистательная Эльвира Викентьевна, обратилась за помощью в соответствующие органы, а именно в Партком по месту работы мужа. Партком вызвал Пьетрофича на ковер и начал грозить страшной угрозой отъема партийного билета, но Пьетрофич уперся и стоял на своем. Вот какова была сила красоты Эльвиры Викентьевны! Или это сила любви Пьетрофича к Эльвире Викентьевне была так грандиозна? Точно никто не знает, но Партком ничего с этой любовью и красотой поделать не смог. В то время Пьетрофич работал начальником строительного участка треста № 1 Главленинградстроя. Конечно, нельзя сказать, что всемогущий Партком взял да и утерся, но партийного билета Пьетрофича все-таки не лишили, просто перевели со вкусных объектов гражданского строительства, типа гостиницы Пулковская, на объекты строительства промышленного. Но в силу начавшейся вскоре перестройки это оказалось и к лучшему.

Сейчас у Пьетрофича была своя строительная компания, успешно занимающаяся строительством как промышленным, так и гражданским, в силу чего Эльвира Викентьевна не знала ни в чем отказа. Кстати и Шура тоже, так же как и дети самого Пьетрофича. Те самые двое, из-за которых и был организован весь этот сыр-бор с Парткомом. Общих детей у Эльвиры Викентьевны и Пьетрофича не случилось. Зачем? Только фигуру портить. Тем более что, какие там дети могут уродиться у красивой Эльвиры Викентьевны и умного, обаятельного, но несколько неказистого Пьетрофича? Хорошо если красивые и умные, а ну как неказистые да еще и не шибко умные? Таких примеров у нас перед глазами пруд пруди. Выходит, например, невообразимая красавица актриса за выдающегося и шибко умного режиссера. И родятся у них дети. Это ж слезы, а не дети. Один другого заковыристей. Женятся опять на красавицах, и – нате вам внуки! Горе горькое, а не внуки. Все, как один, лицом в деда режиссера. И ведь не факт, что умные.

Вот взять хотя бы Шуру. У нее отец тоже умный, как Пьетрофич, хоть и «бездарность». Правда, в отличие от Пьетрофича Шурин отец высок, строен и весьма миловиден. Это по всем его фотографиям видно. Особенно по свадебным. Сразу можно на обложку модного журнала приклеивать или в кино снимать. Ну, про мать и говорить нечего. Уже понятно, что женщина она сказочной красоты. Однако до недавнего времени Шура очень и очень переживала за свою внешность. А для девочки внешность, сами знаете, дело чрезвычайно важное. Сколько Шура себя помнила, она была весьма и весьма упитанна. Да, чего там кокетничать! Шура была просто напросто толстая. Ноги, как тумбы, живот, щеки и прическа «конский хвост». Да еще фамилия Животова. Всем все ясно? «Жиро-мясо-комбинат, пром-сосиска-лимонад» так с первого по десятый класс звали Шуру некоторые одноклассники. Не все, конечно. Большинство именовало ее просто «Жиртрест». Поэтому близких подруг у Шуры не было. Ей всегда казалось, что

самые близкие подруги будут говорить у нее за спиной самые поганые гадости. Единственным ее приятелем все школьные годы был Федя Моргунов. Общаться они стали на почве своей похожести в плане неказистости. Нет, толстым Федя не был. Ни капельки. Он был хлюпиком. Метр с кепкой. То есть ростом, аккурат, до Шуриного подбородка, а то и ниже. Дразнили его «клопом», «недомерком» и еще почему-то «клещом». И как Шура была совершенно не похожа на своих родителей, особенно на несравненную Эльвиру Викентьевну, так и Федя сильно отличался от всех членов своей семьи. Родители его были люди высокого роста, а старший брат и вовсе был ростом под два метра. Такая вот шутка природы.

Когда кто-то в присутствии Шуры пытался обозвать Федю «недомерком», Шура, не раздумывая, лупила обидчиков своим большим портфелем. Рука у Шуры и без портфеля-то тяжелая была, а тут с портфелем. Мама не горюй! В свою очередь Федор кидался на обидчиков Шуры, независимо от их габаритов, и вцеплялся в них, как тот самый клещ. Дрался Федор самозабвенно практически до потери пульса, поэтому Шуре иногда приходилось отбивать его своим портфелем. Шура с Федей сидели за одной партой, вместе ходили домой и в кино. Однако, когда Федор еще в третьем классе вдруг ни с того ни с сего попытался Шуру поцеловать, то получил от нее этим самым портфелем прямо по башке. Получил так, что подобные мысли больше никогда не приходили ему в голову. Хорошо хоть вообще после этого мысли у него какие-то остались.

При наступлении так называемого подросткового переходного возраста Шуру постигла еще одна незадача, которая начисто разбила ее сердце. Шурино румяное упитанное личико, всегда такое гладкое и бархатистое, похожее на спелый персик, внезапно покрылось погаными прыщами. Эльвира Викентьевна схватила Шуру в охапку и помчалась по врачам. Все врачи, как один, пожимали плечами и успокаивали Эльвиру Викентьевну словами: «Само пройдет». Шура, глядя на себя в зеркало, ревела и думала, что по окончании школы пойдет учиться не на скульптора и художника, как она мечтала всю жизнь, а на врача. Причем на врача, который специалист по разным кожным болезням. Дерматолог называется.

Рисованием Шура увлекалась с самого детства, а ее пластилиновые поделки приводили в неописуемый восторг всех воспитательниц детского сада. Став постарше, Шура после школы посещала кружок в районном Доме пионеров. Художественная школа находилась далеко, и Шуру туда некому было возить, а вот Дом пионеров был прямо напротив дома, где она жила со своей мамой Эльвирой Викентьевной и ее мужем Пьетрофичем. Опять же в кружок она всегда ходила в сопровождении Федора Моргунова, который нес все Шурины художественные причиндалы, а потом терпеливо смотрел, как Шура рисует или лепит.

– Ничего, талант сам и без художественных школ пробьет себе дорогу, – говорила Эльвира Викентьевна, которой особенно нравились собственные портреты Шуриной кисти.

А тут прыщи! Какой уж тут талант и рисование? Не до этого, ей богу. Шура решила бороться за свою внешность. Недаром Пьетрофич все время учил Шуру, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. А Пьетрофич зря не скажет, Пьетрофича Шура уважала. Она не стала полагаться на милость природы, и после окончания школы подала документы в медицинский институт. Глядишь, не только с прыщами, но и с фигурой в процессе обучения что-нибудь да прояснится. Должны же быть у врачей какие-то таблетки. Не исключено, что даже тайные. Для своих. А порисовать можно в свободное от учебы время. Для себя. Для души. Ну, и для Эльвиры Викентьевны, конечно.

С первого раза Шура в институт не поступила, но решила время зря не терять и подала документы в фармацевтический техникум. Там про секретные таблетки ей ничего узнать не удалось, зато на следующий год, благодаря своей отличной учебе в техникуме, а также усилиям Эльвиры Викентьевны и Пьетрофича Шура все-таки стала студенткой медицинской Академии имени Мечникова.

Надо сказать, что за время учебы в Академии, Шурины прыщи, действительно, исчезли сами собой. Но не бросать же начатое дело, тем более, что вопрос с фигурой-то еще остался открытым. Однако уже в процессе учебы, а потом и ординатуры на кафедре дермато-венерологии Академии Шура все больше и больше разочаровывалась в современной медицине. По всему выходило, что никто толком не знает, почему и отчего в организме у человека вдруг образуется та или иная хрень, и в результате чего эта хрень потом исчезает. Ну, исчезает-то она, конечно, в лучшем случае.

Вот взять, к примеру, кольцевидную гранулему. Это такая гадость, которая превращает самые замечательные, самые холеные, самые изящные и красивые руки в бугристые жабы лапы. Отчего эта гранулема вдруг на этих красивых руках появляется, никто из дерматологов не знает. Существовали разные предположения вроде диабета, ну так на большую печень можно все свалить. Практически все кожные заболевания. А если у человека печень здоровая и никакого диабета в помине нет? Но самое интересное, что гранулема эта обязательно исчезает после биопсии. Вот просто вырывают кусочек кожи на анализ, а болезнь, возьми, да и исчезни после этого. Во как!

Или другой пример – демодекс. Эта гадость обычно поражает лица с кожей, не знающей в юности, что такое прыщи. Да, что там в юности. Эта кожа всегда была идеально чиста, упруга и приятна на вид. И вот вам, пожалуйста! На этой идеальной коже вдруг активизируется клещ. С какого такого перепуга, скажите, ему активизироваться? Некоторые врачи считают, что причиной его активации являются заболевания желудка и двенадцатиперстной кишки, а то и вовсе климактерический период. Ха! Особенно у молодых мужчин. Ну, слава богу, хоть тут печень ни в чем не виновата. Несчастных больных, чем только не мажут, чем только не пичкают. Никакая печень не выдержит. И опять же, проходит эта болезнь в результате также не понятно из-за чего. То ли двенадцатиперстная сама по себе вылечивается, то ли элементарно антибиотиками на лице пациента убивается все живое, включая и самого клеща, и всякую всячину, которая на лице любого человека проживает в огромных количествах. А среди этой всячины обязательно присутствуют стрептококки. Их-то Шура и подозревала больше всего. Стрептококков этих. На Шурин взгляд именно они клеща провоцируют. Сами же стрептококки, отчего вдруг стремительно размножаться начинают? Это для медицины пока еще было большой загадкой. Но! В своих изысканиях Шура практически вплотную подошла к отгадке. Виной всему, скорее всего, были стоматологи, ведь у большинства Шуриных пациентов демодекс возникал после посещения зубного врача. Такая вот детективная история.

И если побороть гранулему или демодекс вышеназванными методами еще как-никак удастся, то, конечно, апофеозом бессилия медицины в Шурином понимании являлась такая болезнь, как псориаз. Несчастные люди, больные этой гадостью, платят огромные деньги, чтобы побывать на Мертвом море, которое якобы обладает невероятно целительными свойствами. Действительно, болезнь после Мертвого моря слегка отступает, но не у всех и отступает не очень далеко. Выжидает чутка, а потом с новой силой атакует измученный организм. Всем, и врачам, и пациентам уже ясно, что причина болезни не снаружи, а внутри организма. Но вот, где внутри, не знает никто. Люди, страдающие этой болезнью, совершенно разные и проблемы в их организмах тоже отличаются. Но самое неприятное в том, что болезнь эта зачастую поражает людей молодых и внутри, казалось бы, совершенно здоровых.

Шура злилась, рылась в учебниках, читала дополнительную литературу и все больше и больше понимала, что битву с инопланетными пришельцами, коими являются всяческие паразиты и микробы, земляне проигрывают. Уж если причиной язвы желудка, как выяснилось, является никакой не стресс, не вредное плохое питание и даже не алкоголь, а именно поганый микроб, то можно себе представить, сколько различных болезней и их возбудителей ждут своих Нобелевских лауреатов. Шура была практически уверена в том, что все болезни в организме человека являются результатом деятельности микробов и паразитов. Секретных

таблеток не было. Врачи могут только поддержать, подлатать, подчистить, но человеческий организм неуклонно продвигается к смерти. И подталкивают его к концу именно микробы и паразиты, коими и являются различные вирусы. Вирусы постоянно модифицируются и нападают на человечество все с новым и новым оружием, они изнашивают человеческий организм и изматывают его иммунную систему. А как только иммунная система начинает давать сбой, накидываются всем скопом и поедают несчастного землянина. Какие там вампиры и оборотни? Детские сказки. Реальность оказывается гораздо страшней. В одной околонушной литературе Шура даже прочитала, что у паразитов и микробов спираль ДНК закручивается в другую сторону, нежели у человека. Вот потому-то они инопланетяне и есть! Правда, когда Шура поделилась этой мыслью с заведующей кафедрой профессором Понятовской, та сверкнув на Шуру грозными глазами, рявкнула:

– Животова, мать твою так, этак и разэтак, если не хочешь всю жизнь мести улицы, то считай, что я ничего такого от тебя не слышала!

Шура поразилась цветистости профессорской речи, тут же вспомнила свою мать Эльвиру Викентьевну, живо представила то, что профессорша про нее сказала, заткнулась и окончательно разуверилась в возможностях современной медицины.

К окончанию Академии Шура курила, ругалась матом и чрезвычайно цинично смотрела на окружающую действительность. Работать она устроилась в кожно-венерологический диспансер, где замечательно вписалась в компанию таких же курящих, матерящихся и циничных врачей венерологов.

То ли от того, что Пьетрофич не смог больше выносить Шурин врачевный юмор, то ли просто от большой своей сердечной доброты, к окончанию учебы он купил Шуре квартиру в новом доме и подарил маленький автомобильчик марки «Мини». Неблагодарная Шура решила, что Пьетрофич просто над ней издевается, потому что слоны и бегемоты в «Мини» не ездят, однако ключи от машины и от квартиры у отчима взяла. Даже книксен в ответ изобразила, правда, лицо у нее при этом было кислее кислого.

– С богом, – строго сказала Эльвира Викентьевна и помогла дочери собрать вещи.

Шура тогда обиделась на мать и отчима, считая, что ее попросту выставили за порог. Хорошо еще хоть пенделя для ускорения не дали. Понятно, что любая другая девушка на Шурином месте считала бы себя в такой ситуации самой счастливой, но Шуре жить отдельно от семьи было невообразимо скучно и страшно. Шура боялась, что рано или поздно она никому не нужная будет решительно атакована микробами и помрет в этой своей отдельной квартире одна-одинешенька.

Правда квартира Шуре досталась очень даже симпатичная и уютная. С маленькой спальней и огромной кухней, в которой Шура, конечно, не без помощи Эльвиры Викентьевны и Пьетрофича устроила замечательную гостиную с диваном и телевизором. А чтобы было не так страшно сидеть перед этим телевизором одной, Шура приобрела себе кошку. Она специально поехала в торговый центр, где производители элитных кормов для животных устроили кошачью выставку. Шура толкалась по выставке, разглядывая разномастных котиков, пока не уперлась в загончик, где сидела совершенно невозмутимая мама-кошка, вокруг которой суетились три котенка. Все вокруг умилялись, глядя на этих котят, два из которых были вислоухими. Но Шуре понравился тот, у которого, как у матери, были маленькие остренькие ушки. Своим видом котенок смахивал по меньшей мере на министра иностранных дел. Очень важный и какой-то значительный, он, тем не менее, больше всех был похож на маму-кошку. Наверное, своей невозмутимостью. Шура увидела его и уже не смогла отойти. Купив котенка, Шура тут же приобрела специальную пластиковую клетку для перевозки котиков, ящик с наполнителем для кошачьего туалета и тот самый элитный корм, ради которого вся выставка и затевалась. После всех этих покупок Шура пересчитала оставшиеся деньги и поняла, что сама она две недели до зарплаты будет питаться сигаретами и водой. А на работу придется ездить на маршрутке.

Кота Шура назвала Федором. В честь Феди Моргунова. Самого Федора Шура последний раз видела только на выпускных экзаменах. На выпускной вечер они оба не пошли. Чего там, спрашивается, на этом выпускном делать «жиртресту» и «недомерку»? Только расстраиваться. Шура знала, что Федя собирался поступать в мореходку. Потом ей стало не до Федора. Она зубрила, готовилась к вступительным экзаменам, потом переживала, что не поступила, потом поступала в техникум. Короче, заматалась. Спустя полгода по дороге на учебу в техникум Шура случайно встретила на автобусной остановке совершенно расстроенную Федину маму, которая сообщила ей, что Федор в мореходку не поступил, а загремел в армию. И не просто в армию, а на флот, где срок службы, как известно, дольше на целый год. После армии Федька почему-то не объявился, а потом Шура переехала в новую квартиру, так что единственного друга детства Федора можно было смело считать затерявшимся в пространстве.

Кота Федю Шура полюбила от всей души, и он отвечал ей взаимностью. Вечерами, когда Шура приходила с работы, он всегда помогал ей готовить немудреный ужин. Сидел рядом на кухонном столе и внимательно наблюдал за Шуриными действиями. Потом они вместе ужинали. Шура за столом, а Федор неподалеку у своей мисочки. После этого обязательно смотрели телевизор. Какой-нибудь новый фильм. Шура всегда после работы заходила в прокат и брала себе на вечер кино. Федор иногда садился вплотную к экрану и пытался понять, чего же там высматривает Шура, но в большинстве случаев он лежал у Шуры на коленях и громко урчал. Потом засыпал и сползал на диван рядом с Шурой. Там и оставался на всю ночь. Шуре иной раз очень неохота было покидать место рядом с теплым и сонным Федором и идти к себе в спальню, но Шура была врачом и знала кое-что про микробы и глисты, поэтому Федору в Шурину спальню, а особенно в Шурину кровать ход был заказан. Да он особо и не стремился. Просто по утрам он ложился перед Шуриной дверью, просовывал под дверь лапы и начинал ею легонько погромыхивать. При этом он совершенно четко выговаривал:

– Мам! Мам!

Это он так Шуру будил. Получше любого будильника.

Примерно через год после приобретения Федора опять неизвестно отчего с Шурой произошло чудо. Она вдруг начала худеть. Правда, заметила она это не сразу. Сначала Шура обратила внимание, что ее широкие безразмерные штаны как-то странно съезжают вниз. Ремнями Шура никогда не пользовалась. Вот скажите, чего там бегемоту этим ремнем подпоясывать? Ну и наступила вдруг каблуком на свою съехавшую штанину и чуть не растянулась на асфальте. Хорошо, еще штаны с нее при этом не слетели. Потом Шура заметила, что может без особого труда влезть в свои единственные практически резиновые джинсы. Раньше в эти джинсы Шура влезала только лежа и застегивала их, выпустив из легких весь воздух. Шура удивилась, но решила, что вещи просто растянулись от частой носки. А однажды Шуру за каким-то бесом вызвали к главврачу, и там перед кабинетом она случайно увидела себя в зеркало. Дело в том, что в доме у себя Шура зеркал не держала. На фига? Только расстраиваться. Так вот, пробегая мимо зеркала, Шура вдруг увидела в нем Эльвиру Викентьевну. Только не шикарную и ухоженную, а какую-то замурзанную и обшарпанную. Шура от удивления встала, как вкопанная, не в силах оторваться от этого видения. Даже рот открыла.

Ясное дело, что после такой удивительной картины в зеркале, как только Шура выяснила, чего из-под нее хочет главврач, то тут же все это забыла и чуть ли не бегом рванула в процедурную. В процедурной были весы. Допотопные с гирьками. Хорошо, пациентов там не было, ведь не исключено, что в таком стрессовом состоянии наличие раздетых пациентов Шуру ни за что бы не остановило. Она с разбега взгромоздилась на весы и не поверила своим глазам. Вместе с одеждой она весила на восемь килограммов меньше, чем на последнем медосмотре в школе. Конечно, такой вес не был бы нормальным для какой-нибудь топ-модели, но для «жиртреста» Шуры Животовой он был пределом несбыточных мечтаний.

Однако Шура не запрыгала от радости на одной ноге, а глубоко задумалась и насторожилась. Весь ее врачебный опыт свидетельствовал исключительно об одном – человек внезапно и сильно худеет только в том случае, если его грызет самый страшный в мире недуг. То есть, по всему выходило, что инопланетяне уже взяли верх над Шуриным организмом, и она скоро умрет во цвете лет от болезни, которая не щадит никого. Это врачи только к недугам пациентов относятся цинично, когда же дело касается их самих, то ведут они себя более, чем трепетно. Вот и Шура первым делом вприпрыжку поскакала в кабинет к венерологу Нине Константиновне Вилковой.

Нина Константиновна женщина взрослая, мудрая и нетрепливая, а кроме того она опытный врач и пользуется в диспансере непререкаемым авторитетом. У Шуры Нина Константиновна всегда вызывала уважение и доверие. С ней можно было смело посоветоваться насчет такого важного деликатного вопроса. Приемные часы Нины Константиновны совпадали с Шуриными, поэтому им иногда удавалось вместе покурить, перекинуться парой-тройкой новых анекдотов и даже обсудить некоторые специальные медицинские статьи.

У двери кабинета Нины Константиновны стоял ряд совершенно пустых стульев, то есть, наблюдалось полное отсутствие пациентов. Шура сунула нос в кабинет и увидела откровенно скучающую Нину Константиновну, которая листала журнал «Власть».

– О, Шурка! – Нина Константиновна явно обрадовалась Шуриному появлению. – Пойдем, курнем, что ли? – Она поправила свою исключительную прическу серо-голубого цвета, достала из сумочки сигареты и пошла к дверям.

С этой новой прической Нина Константиновна стала похожа на Мальвину в бальзаковском возрасте. Нет, скорее пост-бальзаковском. Нина Константиновна была, как говорится, женщиной без возраста и чем-то напоминала Шуру её собственную мать. Только в отличие от Эльвиры Викентьевны она никогда не учила Шуру жизни, курила одну сигарету за другой и ругалась, как портовый грузчик. У Шуры подруг не было никогда, и она искренне считала Нину Константиновну своим старшим товарищем.

– Пойдемте, – обрадовалась Шура. – А чего это у вас сегодня никого нет?

Обычно перед кабинетом Вилковой народ кишмя кишел с утра до вечера.

– Так лето же! Хламидии с гонококками по дачам, да отпускам разъехались. Вот уж осенью набегут. Нацепляют всякого и к Нине Константиновне: «Ой, спасите, помогите, откуда же это, мамочки мои!» – заворчала Нина Константиновна, запирая кабинет. – Откуда, откуда?! От верблюда, конечно. Из бани и бассейна! Откуда ж еще? Где там они еще сексом этим прелюбодейским занимаются! – Нина Константиновна хохотнула и с чувством заковыристо выматерилась.

В курилке на верхней площадке служебной лестницы Шура и Нина Константиновна уселись на широкий подоконник, примостили посередине вонючую консервную банку, служащую курильщикам диспансера пепельницей, и закурили.

– Ниночка Константиновна, вы ничего во мне странного не заметили? – жалостно спросила Шура и замерла в ожидании приговора.

Нина Константиновна окинула Шуру цепким профессиональным взглядом.

– Да, ничего вроде. Похудела слегка, – Нина Константиновна ухмыльнулась. – Никак влюбилась? То-то я вижу, похорошела. Небось у доктора Трахтенберга на приеме была? Это дело хорошее, – Нина Константиновна сладко вздохнула, матюгнулась и мечтательно закатила глаза. – Только костюм химзащиты обязательно требуй надевать. А то мне только тебя среди пациентов наших не хватает. Господи Иисусе! Это ж сколько всего производится медицинской промышленностью, а они все равно ленятся надевать. Знают о последствиях, и все равно ленятся. Козлы! Бляха муха!

– Да нет, – Шура аж рукой махнула, чуть сигарету не выронила. – Какой там Трахтенберг! Нет у меня никого, да и не было никогда.

– Чё? Правда? Ядрен батон, Шурка! Тебе ж лет-то уже, небось, никак не меньше четвертного? – На добром лице Нины Константиновны читалась смесь удивления и неподдельной жалости. – Как же это тебя так угораздило?

Шуре захотелось плакать, даже слезы на глазах навернулись.

– Здравсьте вам! Только не реви. Ты врач. Бляха муха! Тебе не положено. Ничего, – Нина Константиновна притушила сигарету и погладила Шуру по спине. – Встретишь еще кого-нибудь. Ты ж вон, какая хорошенькая.

– Ну, да! Как бегемот! Еще и фамилия Животова, – Шура тяжело вздохнула.

– Шурка, ты дура! Етитьская сила! Сейчас нам по телику скелетов разных показывают и говорят, что это эталон красоты. Знаешь, почему? Кутюрье модные материал экономят. На скелета ткани надо с гулькин нос, да и обшить скелета проще пареной репы. У него ж формы-то никакой нет. Главное, чтоб дырки в модном платье для головы и рук были. Вот и все. А такие дуры, как ты, переживают. И напрасно! Мужуку скелеты не нужны. Мужуку мясо надо, чтобы было, чего потискать. Вот Мерелин Монро, к примеру, по теперешним меркам чистая корова. Бляха муха! Да, ты-то вроде не такая уж и толстая. Вон и талия у тебя даже есть, – Нина Константиновна гыкнула и ущипнула Шуру за бок.

Шура взвизгнула и раздумала реветь.

– То-то и оно, Нина Константиновна! Талия эта у меня совсем недавно прорезалась, можно сказать, совершенно неожиданно, а до этого ее и в помине не было. Так что, боюсь я, что не успею я уже никого встретить. Прощай, доктор Трахтенберг, – горестно заметила Шура и шмыгнула носом.

– Это почему ж? – удивилась Нина Константиновна и закурила новую сигарету.

– Так худею внезапно и резко. Это о чем, по-вашему, говорит? – Шура развернулась и заглянула Нине Константиновне в глаза. Ну, чтоб та уже не стала юлить и уходить от прямого ответа. Рубанула бы правду-матку со всего плеча.

– Ни о чем, – Нина Константиновна ответила на испытующий Шурин взгляд, вытаращив глаза. Наверное, чтобы честнее выглядеть, – Ты лучше скажи, что ты сегодня ела на завтрак?

– Кофе пила, – не задумываясь, ответила Шура.

– А на обед?

– Кофе.

– Ужинать чем будешь?

– У нас в универсаме куплю салат «весенний» из капусты. Там вкусный делают, – Шура вспомнила «весенний» салат и сглотнула слюну. – И ноги куриные у меня в холодильнике есть. На пару сварганю. Штуки две. Нет, лучше три.

– А хлеб ты давно ела?

– Что вы?! – ужаснулась Шура и тоже выпучила глаза. – Мне нельзя. Я с детства на диете. Раздельное питание по Монтиньяку. И по возможности исключить все жареное. Только паровое, вареное и печеное. Чтобы жир в мой и без того жирный организм не попадал.

– По Монтиньяку, мне помнится, хлеб есть можно.

– Можно. Но я на всякий случай не ем. Углеводы все-таки. От них толстеют.

– Зае...! И почему, скажи, ты удивляешься, что худеешь? Ты ж не жрешь ничего, мать твою за ногу растудить её в качель! – Нина Константиновна всплеснула руками.

– Так я и раньше так питалась, – Шура с возрастом уже перестала принимать близко к сердцу слова про мать и про то, что с ней люди, особенно врачи, делают в сердцах.

– Не верю. Чтоб мать ребенка из дома выпустила, накормив на завтрак кофе с сигаретой?

– Нет, ну, конечно, я завтракала. – Тут уже Шура все-таки вспомнила Эльвиру Викентьевну, заботливо отнимающую у неё из рук кусок булки. – Но слегка. Яйца вареные, или кусок ветчины. Не больше!

Эльвира Викентьевна боролась за Шурину фигуру прямо с детства, поэтому в доме никогда не было сладостей и другой вредной еды. Однако Пьетрофич на завтрак любил съесть бутерброд и непременно с маслицем и белой булочкой, поэтому батоны, все-таки дома были. Ах, как же они вкусно пахли, эти свежие багеты!

– А курила ты также, когда с мамой жила? – строго поинтересовалась Нина Константиновна, продолжая допрос.

– Нет, это я недавно, как отдельно жить стала.

Еще бы! Ведь Эльвира Викентьевна не выносила табачного дыма.

– А за рулем ты сколько лет?

– Так столько же. Как от матери с отчимом съехала. С тех пор и рулю.

– Угу. Я вот, например, как за руль села, так сразу пять кило скинула. Правда, два потом назад набрала. Это так. Для справки. Ну, и чего же ты, Шура, себе придумала? Какую такую катастрофическую болезнь? Никак омара? Мать его, лобстера?! – Нина Константиновна сделала пальцами козу, приставила ее ко рту и стала надвигаться на Шуру, изображая того самого омара, шевелящего усами. Шуре стало смешно и стыдно.

– Дура ты, Животова. Балбесина. Ты б лучше глаза накрасила, что ли, а то всех интересантов распугаешь и тогда уже точно не видать тебе славного доктора Трахтенберга, как своих ушей.

– Спасибо вам, Нина Константиновна, успокоили.

– Не на чем. Только, смотри у меня, в нашем шалмане ни с кем не знакомься! Венерические заболевания, конечно, не омар, но тоже все из себя пренеприятные. Да, чего я тебе говорю? Сама знаешь, хоть и балбесина. И вообще, объясни мне, что ты у нас тут, мать твою за ногу, делаешь?

– В смысле? – не поняла Шура.

– В смысле, в нашем диспансере. Ну, ладно, я. Бляха муха! Мне скоро на пенсию, а кроме того разные выслуги и надбавки, так что в результате на жизнь хватает. Опять же супруг мой хорошо зарабатывает. Но ты?!

– Чего я?

– Ты девка умная молодая образованная сидишь тут за копейки, кошачьим кормом перебиваешься. Еще не так исхудаешь, попомни мое слово. Кота, хоть пожалей.

– Кота жалею, – Шура тяжело вздохнула и вспомнила Федора. Уж он-то ни в чем отказа не знал. Последнее время стал и вовсе неподъемным. Вот кто в их семье теперь за бегемота! – А чего делать? Банки грабить?

– Это тоже дело хорошее, – согласилась Нина Константиновна. – Но лучше иди в косметологи.

– Прыщи давить? – заржала Шура.

– Ой! Смешно ей, тишкина жизнь, етитетская сила! Сейчас косметологи не прыщи давят, а лазером работают. Знаешь, девки в космосе сколько получают? Лопатой гребут!

– В космосе? – удивилась Шура. Она представила косметологов в белых скафандрах с лазерными пистолетами в руках.

– В клинике «Космос»! – Нина Константиновна постучала себя по лбу кулаком. – Знаешь такую? У меня там знакомая работает гинекологом.

Клинику «Космос» Шура, конечно, знала. Да, кто же ее не знал. Клиника эта была известна всему городу в первую очередь своими сумасшедшими ценами. Так ведь находились же люди, которые ее услугами за эти деньги пользовались!

– И чего? В этом «Космосе» дерматологи нужны? Приду и скажу, возьмите меня, люди добрые, буду всех подряд лечить, а кто откажется – прикуем к кровати.

– Не возьмут тебя. Там не дерматологи, а косметологи нужны, но образованные с дипломом, – Нина Константиновна подняла вверх указательный палец. – А это ты и есть! Только специализацию надо получить. Подучиться. Повысить, мать её, квалификацию.

– В Академии последиplomного образования что ли?

– Почему нет? У них дипломы – железяка! Денег, конечно, эта учеба стоит, но потом же все окупится. «Космическими» ценами. Вон, у мамки своей в долг возьми. Она у тебя богатая.

– Я подумаю. Научусь и буду вам брови выщипывать дипломированно, – захихикала Шура.

Нина Константиновна провела рукой по своим бровям.

– Что пора уже? – испуганно спросила она.

– Не, еще ничего. До Брежнева Леонида Ильича пока далеко.

– Хорош, Шурка, ржать над чужой бедой. Я ж не вижу уже ничего. В смысле, в зеркало. У меня минус на плюс пошел. Старость подкралась незаметно. Так что слушай старших товарищей и время не теряй.

Вечером того же дня, когда Шура ставила свою машину на парковке, она с удивлением обнаружила на соседнем доме вывеску «Салон красоты «Люкс Престиж». Это было странно, потому что ничего такого вчера еще там не было. Уж такое вопиющее название Шура бы точно заметила. Она решила, что это судьба, и решительно направилась ко входу в салон.

– Вы по записи? – мелодичным задушевым голосом поинтересовалась у Шуры дама за стойкой в прихожей «Люкс Престижа». Дама была приятна во всех отношениях. Она выглядела безукоризненно, как будто только что сошла с экрана бразильской мыльной оперы. Хотя уже и в наших сериалах дамы стали просыпаться утром в своих кроватях при полном макияже и укладке, тем не менее до бразильских красавиц им было еще ой-ой-ой как далеко.

– Нет, – честно созналась Шура, рассматривая замечательную даму, просто не могла оторваться. – А записаться можно?

– Когда бы вам было удобно? – Дама открыла красивый и абсолютно пустой журнал для записи.

– Прямо сейчас мне было бы удобней больше всего, – сказала Шура и удивилась собственной смелости и находчивости.

Дама на секунду задумалась, а потом неожиданно, так что Шура даже слегка подпрыгнула на месте, заорала куда-то внутрь «Люкс Престижа»:

– Танька! Тут пришли. Возьмешь?

– Чего надо? – раздалось из глубин «Люкс Престижа».

Дама сделала идеальные бровки домиком и вопросительно посмотрела на Шуру.

– Подстричься, – проорала Шура в ответ.

– Щас приду.

– Вам повезло, – опять задушевым голосом сказала дама, – у Танечки клиентка отменилась. Только что позвонила.

– Вы давно открылись? – поинтересовалась Шура.

– Давно. Уже скоро месяц.

– Я почему-то вывески раньше не видела.

– Так ее и не было. Сегодня только повесили. Хотите чаю или кофе? – Дама мило улыбнулась Шуре. – Ну, ты идешь или чего? – опять возопила она в глубины «Люкс Престижа».

– Иду я. Иду. Чего орешь, как потерпевшая. – За спиной дамы показалась симпатичная, но чрезвычайно хмурая, круглолицая девица. – Ну? Чего тут у нас? – Она посмотрела на Шуру и тяжело вздохнула. – Пошли, что ли?

Девица махнула рукой, взялась за поясницу и шаркающей походкой направилась мимо рецепции с великолепной дамой в парикмахерский зал. Шура даже подумала, не разгружала ли та часом какой-нибудь вагон во дворе «Люкс Престижа». Она последовала за девицей и оказа-

Траволта. С хвостом. Шура Животова с детства ненавидевшая свою прическу «конский хвост», тем не менее, считала, что на свете нет ничего прекрасней мужчины с длинными волосами, забранными в хвост. Конечно, для красивого танца с таким красивым мужчиной лично Шуре необходимо было бы сбросить еще килограммов десять, но она уже поняла, что теперь это для нее будет плевым делом.

– Все! – решительно заявила Таня. – Больше состригать не буду. Грех на душу не возьму. Волосы состричь недолго, а вот вырастить их потом очень непросто.

– И на том спасибо, – недовольно сказала Шура, заправив волосы за уши. – Сколько я вам должна?

– У администратора, – Таня махнула рукой в направлении прихожей «Люкс Престижа».

Дама приятная во всех отношениях одобрительно посмотрела на Шуриную голову, сказала: «Стильненько» и назвала цену, от которой Шура чуть не поперхнулась.

– Ну и расценочки у вас, – проворчала она, доставая деньги.

– Нормальные, как везде. – Дама пожала плечами. – Вы же у мастера стриглись. Наша Танечка победитель международного конкурса, – с гордостью в голосе заметила она и выдала Шуре сдачу.

«Ничего себе, как везде!» – подумала Шура. – «Если так везде, то докторам из диспансера стрижки не по карману. И так все деньги на сигареты и бензин уходят!»

В универсаме Шура с удовольствием разглядывала себя в зеркала отдела хозяйственных товаров. Там Шура прикупила себе небольшое зеркальце и фен. Долго стояла около напольных весов, но решила сэкономить. В процедурной же есть. В результате, после оплаты стрижки и хозяйственных приобретений, денег на «Весенний» салат уже не хватило, и Шура решила, что обойдется одними куриными ногами. Слава богу, что корма для Федора было припасено на месяц вперед.

Вечером Шура жевала сваренные на пару и без соли куриные ноги и думала о том, где раздобыть денег. Из головы не шел разговор с Ниной Константиновной о «Космосе» и тамошних зарплатах. Федор смотрел на изменившуюся Шуру озадаченно. Даже на стол прыгнул и положил печальную морду около Шуриной тарелки. Шура, несмотря на микробы, стгонять Федора не стала. Она закончила жевать и решительно набрала телефон Эльвиры Викентьевны.

– Мама! Мне срочно нужны деньги! Пойду в Академию последипломного образования на косметолога учиться, – объявила Шура, услышав «Аллоу» Эльвиры Викентьевны.

– Ну, слава богу! – Эльвира Викентьевна вздохнула с облегчением. – Будет и от тебя в семье какая-то польза.

* * *

В марте месяце за городом снег даже не собирается таять. Вернее на солнышке он слегка расплывается, а потом вечерним морозцем прихватывается и превращается в твердую скользкую корку. По такой вот корке Вера и подъехала к теперь уже своему пансионату. Территория со стороны дороги была огорожена вполне себе внушительным забором, а на въезде ограничивалась автоматическим шлагбаумом у красивой стеклянной будки охраны. Будка сверкала на солнце чистыми стеклами, но за ними было пусто. Никакой такой вооруженной до зубов охраны не наблюдалось. Шлагбаум был опущен. Вера заглушила мотор, вылезла из «Крузера» и поковыляла на своих высоченных каблуках к центральному входу, украшенному стеклянными дверями, тонированными в темно-коричневый цвет. Вообще, все выглядело довольно прилично, как-то основательно. Можно даже сказать солидно. Опять же въезд был расчищен и заботливо посыпан песком, иначе Вера уже не раз бы навернулась на скользкой снежной корке.

Свое приобретение Вера видела только один раз, когда была здесь прошлым летом на пикнике, устроенном бывшим хозяином пансионата для друзей и друзей друзей. Вера и ее бывший муж были как раз в категории друзей друзей. При оформлении сделки на покупку все

ограничилось рассматриванием чертежей и документов. Бывший хозяин все-таки был человеком известным, имел приличную репутацию и просто хотел поскорей свалить подальше от российской реальности. Опять же те самые общие друзья гарантировали его безусловную порядочность. Поэтому он и цену прилично скинул, когда покупателей, кроме смутно знакомой ему Веры Алексеевны Тихоновой, больше не нашлось. Вера тоже хотела поскорей уже съехать с проданной «дачки», так что стукнули по рукам, можно сказать, не глядя. Бывший хозяин сказал, что объект находится под охраной и на месте есть весьма толковый человек, который Вере все покажет. Пока ни охраны, ни толкового человека Вера не заметила. Она толкнула стеклянную дверь и вошла в холл. В просторном пустом холле царил порядок. Разве что пол, выложенный мраморными плитами, требовал тщательного мытья. Конечно, требовали мытья и окна и сами стеклянные двери, но это все надо будет делать потом, после переоборудования. У Веры уже были готовы чертежи и заключен договор со строительной компанией, прораб которой должен был подъехать на следующий день. Пока Вера просто хотела найти себе в пансионате хоть какой-нибудь номер для временного проживания. Однако в помещении было прохладно. Теплее, чем на улице, но не настолько, чтобы можно было раздеться.

– Кого ищите? – Из-за стойки рецепции неслышно вынырнуло смуглое лицо узбекской национальности. Лицо было интересным и принадлежало определенно очень красивому мужчине солидного возраста.

От неожиданности Вера вздрогнула и слегка подпрыгнула на месте.

– Начальника охраны ищу. Я новая хозяйка, – строго сообщила она лицу.

Лицо расплылось в добродушной улыбке. Из-за стойки показалось все остальное в камуфляжной форме с надписью «охрана».

– Здравствуйте, хозяйка! Я Ашраф.

– Здравствуйте. Меня зовут Вера Алексеевна, – Вера не удержалась и тоже заулыбалась. Уж больно заразительно улыбался этот Ашраф. – Так, где мне найти начальника охраны?

Ашраф пожал плечами.

– Вера Алексеевна, это, выходит, я и есть. Больше нет никого, значит, я начальник.

– Вы что тут один? – удивилась Вера.

– Почему один? С Акбаром, – Ашраф показал глазами куда-то Вере за спину в сторону выхода.

Вера обернулась. Прямо у нее за спиной, перекрывая все пути к отступлению, сидела огромная собака и, молча, разглядывала Веру холодными волчьими глазами. Вере стало не по себе. Ашраф что-то сказал собаке по-узбекски, и собака вдруг тоже улыбнулась, сразу перестав быть такой уж страшной. Аж язык из пасти у нее вывалился. Собака встала, завиляла хвостом и подошла к Вере. Молча ткнулась ей в руку широким лбом и вежливо отошла. Вера на всякий случай не шевелилась, она стояла, ни жива, ни мертва.

– Я сказал Акбару, что вы хозяйка, чтоб познакомился. Он теперь вас ни за что не тронет и ни с кем не перепутает.

Вере показалось, что при этих словах Ашрафа собака кивнула головой.

– Мне тоже приятно познакомиться, – сказала Вера собаке, хотя ничего особо приятного пока не ощущала.

– Пойдемте ко мне в вагон, чай пить будем. Я вам все расскажу, что спросите. Здесь холодно. Дизель заканчивается, я и притушил расход. На два дня всего осталось. Однако, хозяйка, покупать дизель надо.

– Купим.

– И зарплату нам с Акбаром за этот месяц не платили.

– Какая у вас зарплата?

– У меня пятнадцать тысяч, у Акбара пять.

– Завтра выдам.

– Вот и хозяин тоже завтра, все завтра. Знаем мы завтра это, – проворчал Ашраф. Вера полезла в сумочку и достала кошелек.

– Вот десять тысяч у меня с собой есть, остальное завтра. Съезжу в банк.

Ашраф опять повеселел. Взял деньги, помахал ими перед носом у собаки и опять сказал что-то по-узбекски. Собака закивала головой и сказала «Брф».

– Завтра мясо будет, – пояснил Ашраф. – В магазин поеду.

Вера достала мобильник и договорилась о доставке дизельного топлива. Ее «дача» в свое время жрала это топливо в огромных количествах, и телефон поставщиков всегда был у Веры в мобильнике.

– Ну вот, завтра дизель привезут, можно будет дать тепло, – сказала она, убирая мобильник.

– Зачем? Не надо деньги тратить зря. Нет же никого. Я установил на минимум, чтобы трубы не заморозить.

– И правильно сделали. Только я тут теперь жить собираюсь.

– Жить? – Ашраф почесал затылок – А почему здесь?

– Так мне негде больше. Я все продала, чтобы пансионат купить.

– Это бывает. Только почему здесь, а не в коттедже?

– В каком коттедже? – удивилась Вера. Про коттедж бывший хозяин как-то ничего не говорил.

– Пойдем в вагон, все покажу, – Ашраф направился к дверям и поманил Веру за собой. Собака пошла следом, как приклеенная. Они вышли из здания и завернули за угол. Вериним глазам предстала замечательная картина – заснеженная гладь озера, сосны, синий вагончик на колесах с надписью «люди» и в сторонке ближе к озеру два финских домика. Один побольше, другой поменьше.

– Коттеджи! – Ашраф указал на домики. – Хозяин этим летом построил. Одни, сказал, в пансионате жить будут, в номерах, а это для других, которые совсем одни хотят. Ин-...ин-..., тьфу шайтан, инкогнито. Хотел даже там свой отдельный пляж делать. Не успел. Там в коттеджах печки есть, то есть камины. Дрова у меня. Ты иди пока в вагон, там тепло, а я в коттедже пока печку натоплю, да дорогу расчищу. Выбери, какой тебе больше нравится?

Вера пожалала плечами. Ей уже было нестерпимо холодно. Еще немного и зубы застучат. Понятно, что шубейка легкая из голубой норки, да сапоги на тонкой подошве не располагали к прогулкам по лесу. Даже в марте месяце.

– Ладно, самый лучший тебе коттедж натоплю. Я знаю. Там телевизор во! – Ашраф раскинул руки в стороны. Вера слабо улыбнулась, подозревая, что губы у нее уже синие. – Залазь. – Ашраф распахнул перед ней дверцу в вагончик.

Из вагончика дохнуло теплом. Вера залезла в вагончик, сняла перчатки, протянула руки к печке и огляделась. В вагончике было чисто. На полу постелены коврики с орнаментом, кровать застелена красивым покрывалом.

– Садись вот, – Ашраф придвинул Вере табуретку и включил электрический чайник. – Тут вот чашки и пряники. Тут заварка. Свежая. Пей, не стесняйся. Согреешься, шубу сними. Я скоро приду.

Вера села на табуретку и прислонилась к стенке вагончика.

«Загадочный какой персонаж», – подумала она. – «Уже меня «на ты» зовет, да так естественно это у него получилось. Интересно, сколько же ему лет? И собака у него, какая разумная. Практически разговаривает».

Чайник вскипел. Вера сняла шубу, повесила ее на вешалку при входе и налила себе чаю. Чай оказался вкусным и очень душистым. Вера взяла пряник и принялась рассматривать фотографии на стене. На фотографиях были изображены молодые ребята в армейской форме и собаки с умными глазами.

Когда Ашраф вернулся, Веру от тепла и чая слегка разморило, и она тихонько спала на своей табуреточке.

– Ну, ты и храпишь, хозяйка! – Ашраф ввалился в вагончик, прижимая к себе вязанку дров. – На другом берегу, небось, слышно.

– Неправда, – смутилась Вера. – Всего-то один раз только и всхрапнула.

Вера помнила этот момент, она даже проснулась и привалилась к стенке другим боком.

– Один раз, точно. Зато как! Акбар аж присел.

– Да ладно вам на женщину наговаривать, расскажите лучше, какие у нас тут проблемы, кроме вашей зарплаты.

– Зарплата проблема, да, – согласился Ашраф и начал загибать пальцы. Вера заметила, что двух пальцев у него на левой руке не хватает.

– Дизель, ну, это уже не проблема, так?

– Так!

– Дрова вот заканчиваются, а сейчас сухие нигде не найдешь. С весны сушить надо. Вот еще проблема. Ну и свет. Это, пожалуй, главное.

– А чего свет?

– Так приходила уже.

– Кто?

– Инспекторша. У нас давно не плачено. Я ей говорю, так нет же никого. А она говорит, ты, что ли, один на миллион нажег?

– Как миллион! – ахнула Вера.

– Обещалась завтра отключить, если не заплатим. А тогда нас никакой дизель не спасет. Без электричества котел все одно станет.

– А генератора нет?

– Это какой генератор нужен на всю эту махину?

– Ну да! Слушай, Ашраф, а как так получилось, что миллион? Тут же, действительно, только ты?

– А вот и нет, – Ашраф замотал головой. – Тут у нас еще соседи подключены. Счетчики прямо у трансформаторной стоят.

– Какие соседи?

– Точно не знаю. Слева депутат какой-то, а справа олигарх Тропилин. Они на троих с хозяином бывшим подстанцию ставили. Под пансионат он мощности выкупил. Соответственно, с большим запасом. Лишнее на соседей. Мы по общему счетчику платим, а они по своим счетчикам нам деньги отдают. Только давно не платили.

Вера достала мобильник и набрала номер бывшего хозяина.

– Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети, – сообщил Вере приятный женский голос. Наверное, абонент уже радостно летел куда-нибудь в теплые страны.

– А квитанцию инспекторша выписала?

– Выписала. Тут, сейчас, где-то я положил, – Ашраф достал из кармана очки, нацепил их на нос и начал перебирать какие-то книги и бумаги, периодически поминая все того же шайтана. – Вот! – он протянул Вере квитанцию.

В очках Ашраф был похож, как минимум, на доктора наук, и Вера подумала, что он не так прост, как кажется.

– Значит так, Ашраф, – Вера взяла квитанцию и сунула себе в сумку. – Сейчас я попытаюсь по интернету оплатить дизельное топливо и электричество, завтра с самого утра поеду к ближайшему банкомату, сниму денег тебе на зарплату, продуктов кое-каких закуплю и попытаюсь соседей наших потеревить. А ты тут принимай дизель, только отследи внимательно по счетчику, сколько в накладной написано и сколько слили. Без этого подпись свою нигде не ставь. И еще. Машина придет с моими вещами. Ты уж, будь другом, разгрузи ее в мой коттедж.

И если прораб строительный приедет, он обещался, то пусть меня дожидается. С территории не выпускай. Чаю с пряниками дай ему, да здание покажи, – Вера вдруг заметила, что сама говорит с Ашрафом «на ты» и очень удивилась.

– Сделаю, не беспокойся, хозяйка! Ты только Акбару мяса купи. Он чай с пряниками не очень жалуется. Мясо ему подавай. Тоже шайтан.

– Не беспокойся. Пойдем, шлагбаум мне открой, я машину к дому подгоню, наверное, там тепло уже.

– Ну, это, как сказать, – Ашраф закричал, надел свою фуфайку, и исчез за дверью.

Вера надела шубу и последовала за ним.

– А скажи, Ашраф, ты тут и за охранника, и за дворника. А что еще ты умеешь делать, – спросила она, догоняя Ашрафа.

– Да все умею. Все, что надо, делаю.

– А что у тебя с рукой?

– Это? – Ашраф помахал рукой с недостающими пальцами.

Вера кивнула.

– Это я плотничал. Ну, какой из узбека плотник? Каменщик из узбека еще, куда ни шло.

Но плотник... – Ашраф горестно замотал головой.

– А говоришь, все умеешь, – рассмеялась Вера.

– Умею, конечно! Только пока научился, два пальца потерял!

– Я слышала, что все узбеки мусульмане. Ты мусульманин?

– Не знаю. Я в советской школе учился, потом в армии служил. Потом почти всю жизнь в России жил. Какой из меня мусульманин? Я и молитвы-то толком ни одной не знаю.

– Я тоже ни одной молитвы не знаю, – сообщила Вера. – Выходит, мы с тобой безбожники.

– Нет! Бог есть. Непременно. Иначе нельзя. Он порядок поддерживает. Взаимодействие вещей. Только, думаю, он без национальности. Вселенский такой бог. Может, у него даже щупальца, как у осьминога.

– Не. Я слышала, он нас по образу и подобию своему создал. А мы на осьминогов не похожи.

– Думаю, что имеется в виду образ и подобие мыслительного процесса, а не курносый нос или раскосые глаза.

– Какой ты, Ашраф, умный. Тебе сколько лет?

– Да уж побольше, чем некоторым. Я вот на пенсии уже. Хотя ты, хозяйка, молодой-то только прикидываешься. Это ты с виду девица прекрасная, а глаза у тебя сорокалетние. Потрепала жизнь-то?

– Потрепала! Но мне моя жизнь нравится.

– И правильно. Когда жизнь нравится, тогда всё в ней к удаче твоей складывается. Ну, давай, заводи свой тарантас. Я подъезд к дому расчистил. Там все есть. И белье постельное, и посуда. Батареи там электрические, я их на двадцать градусов выставил. Если, что, зови. Не стесняйся. Громко только на весь лес орать не надо. Просто скажи – Ашраф, Акбар услышит.

– А где Акбар-то живет?

– Так под вагоном. Будка у него там. Он индивидуалист, отдельного проживания требует.

Вера помахала Ашрафу рукой и поехала по расчищенной дорожке в сторону коттеджей. Нужный она обнаружила сразу. Над ним весело клубился дымок. Вера припарковала машину и зашла вовнутрь. Коттедж оказался вполне себе приличным. Намного лучше гостиничного номера. И кухня там присутствовала, и холодильник, и плита с духовкой. Даже сауна в коттедже имелась электрическая. Вера разгрузила машину. С собой она взяла самое необходимое: ноутбук, джинсы, пуховик, валенки, халат, домашние тапочки, косметичку, фен, зубную щетку и пачку пельменей.

Первым делом Вера включила компьютер и проверила работу интернета. Связь была прекрасная, видимо сигнал распространялся, многократно отражаясь от заснеженной глади озера. Вера быстро произвела все необходимые платежи, включила, действительно, огромный телевизор в гостиную и принялась варить себе пельмени. Кидая пельмени в кипящую воду, она вспомнила, как грозилась бывшему супругу «Дошираком», и рассмеялась. Пока пельмени варились, Вера обследовала коттедж и осталась довольна. Надо же какой бонус ей достался при покупке. О коттеджах в документах на земельный участок ничего не значилось. Видимо, хозяин не успел их еще зарегистрировать. Позабыл что ли? Да кто их разберет богатых людей. То торгуются за каждый рубль, то про недвижимость свою забывают. Другой коттедж Вера решила обследовать на следующий день. В Веринском же коттедже от натопленного камина было уже даже жарковато. Вера приняла душ, постелила себе постель и моментально заснула, как только голова ее коснулась подушки.

* * *

Как-то все произошло постепенно и незаметно, но жизнь Шуры Животовой переменялась в корне. Во-первых, она закончила Академию последипломного образования, получила специализацию косметолога и устроилась на работу в клинику «Космос», во-вторых, Шура стала настоящей красавицей и носила одежду того размера, который был широко представлен во всех дорогих и приличных магазинах, а в-третьих, что самое главное, у нее был роман с главным врачом «Космоса» Игорем Николаевичем Кирсановым.

В Кирсанова Шура влюбилась с первого взгляда, когда только пришла на собеседование по поводу устройства на работу. Это был мужчина Шуриной мечты. Да и не только Шуриной. В Кирсанова были влюблены все врачи, все медсестры и все пациентки, кто хоть раз с ним сталкивался. Он имел высокий рост, широкие плечи, густые темные волосы, пронзительно синие глаза, обрамленные густыми пушистыми черными ресницами и обворожительную голливудскую улыбку. Казалось, что своими прекрасными глазами он заглядывает вам прямо в душу. Руки Кирсанова были большими с тонкими музыкальными пальцами. Этими руками он сделал огромное количество операций, но всякий раз переживал и тщательно готовился. За это Шура любила его еще больше.

Роман Шуры и Кирсанова развивался стремительно. Сначала он просто забегал к ней в кабинет с какими-то пустяковыми вопросами, и Шура столбенела и краснела, как пятиклассница. Затем он стал тайком оставлять в Шурином кабинете цветы и звать Шуру на обед. И Шура шла с ним обедать, не зная, что говорить и как себя вести. От этих обедов она похудела еще больше. Потом Кирсанов отправил ее стажироваться во Францию на новом, приобретенном клиникой лазере.

Шура тысячу раз бывала за границей с Эльвирой Викентьевной и Пьетрофичем, поэтому особого восторга от поездки не испытала. Училась во французской клинике, скучала по Федору, которого во время Шурино отсутствия должна была развлекать и кормить домработница Эльвиры Викентьевны, и считала дни до возвращения домой. В последний день стажировки Шуру выдали сертификат и отпустили с работы пораньше. Она вернулась к себе в отель, сложила чемодан и от нечего делать включила телевизор. Самолет в Питер вылетал только на следующий день после обеда, и Шура откровенно маялась, представляя, как она проведет оставшееся до вылета время. В этот момент в дверь постучали. Шура накинула халат и распахнула дверь. В дверях стоял Кирсанов со спортивной сумкой через плечо.

– Картина Репина «Не ждали», – сказал он, отодвинув Шуру и входя в номер.

– Картина Айвазовского «Приплыли», – добавила Шура, закрывая за Кирсановым дверь.

– Ты имеешь в виду «Девятый вал»? – Кирсанов бросил сумку на пол, поднял руки и навис над Шурой, изображая тот самый девятый вал.

– Нет, я имею в виду «Тихую гавань в Сорренто», – Шура плавно развела руки в стороны, решив, что так она больше похожа на гостеприимную тихую гавань.

И ничего удивительного, что этот «девятый вал» таки обрушился на эту «тихую гавань». Да так обрушился, что на следующий день Шура с Кирсановым чуть не опоздали к самолету.

Федор встретил Шуру с недовольным видом. Он хмурился и не шел к ней на руки. Кроме того он похудел и начал катастрофически линять. Шура побежала с ним к ветеринару, и тот объяснил ей, что кот пережил серьезный стресс от расставания с Шурой. Шура торжественно пообещала Федору больше никогда не оставлять его, но тот ей не поверил и дулся еще целую неделю. А еще ревновал ее к Кирсанову, который теперь стал регулярно бывать у Шуры дома. Даже как-то погрыз ему шнурки на ботинках. Хорошо не написал туда, а то некоторые коты от злости на пришельцев писают им в ботинки. После этого Шура всегда убирала ботинки Кирсанова в шкаф.

Встречались Шура и Кирсанов в основном днем в Шурины выходные дни. Дело в том, что мужчина Шуриной мечты оказался прочно женат.

– А еще «Девятым валом» прикидывался, – укоризненно заявила Шура, узнав об этом пренеприятном нюансе.

– Это бизнес, – объяснил он Шуре. – Я женат на деньгах и клинике. К жене никаких чувств не испытываю и люблю только тебя.

Шура не стала особо привередничать. Может, жена у Кирсанова бабец стокилограммовый или вовсе жаба пупырчатая, мало ли как у людей в жизни обстоятельства складываются. Вдруг бедненький Кирсанов этой жабе денег должен, а теперь вот вынужден вокруг нее подпрыгивать, да с ускорением и все за ради любимой клиники. Семейные обстоятельства – это вам не фунт изюму! В остальном-то Кирсанов – парень, хоть куда! Опять же, пользуясь терминологией врача венеролога Нины Константиновны Вилковой, доктор Трахтенберг из него был весьма и весьма усердный, да и костюм спецзащиты он всегда надевал. Сам он, правда, называл презервативы перчаточками.

Далеких совместных планов Шура не строила. Во-первых, когда тридцатник уже у девушки на носу, то оставаться ей девушкой, скажем прямо, просто неприлично. Большинство девушек к тридцати годам уже замуж сходили, да не по разу, и детей уже себе нарожали, да не по одной штуке. Чего ж Шуре сидеть и принца дожидаться, когда у нее под боком мужчина сказочной красоты? А, во-вторых, принца дожидаться можно и совмещая приятное с полезным. Шура думала, что если ей вдруг подвернется какой-никакой неженатый принц, да пусть, хотя бы и из сундука Пьетрофича, она всегда сможет сказать Кирсанову: «Привет и прости!». И, в-третьих, если никакого принца на ее жизненном пути не организуется, то, когда подойдет время, они с Кирсановым как-нибудь без защитных перчаточек обойдутся, чтобы Шура могла родить ребеночка. Без замужества Шура вполне себе жизнь свою представляла, а вот без ребеночка... Ну, и конечно, жаль ей было Кирсанова. Как он без прекрасной Шуры со своей жабой один на один останется? Так что Шура Животова считала себя вполне успешной и состоявшейся, а о женихах в виде военных и олигархов задумывалась постольку поскольку. Это больше Эльвиру Викентьевну беспокоило.

С Эльвирой Викентьевной они встречались обычно в каком-нибудь кафе. Мать любила бывать в модных красивых заведениях, чтобы и на людей посмотреть и себя показать. Вот и сейчас они сидели на открытой террасе французского бистро, главным достоинством которого, по мнению Шуры, было наличие удобной парковки. К концу встречи с матерью Шура чувствовала себя совершенно измотанной. В первую очередь от того, что матери нельзя было все честно рассказать про свою личную жизнь. Не поняла бы Эльвира Викентьевна романа с женатым человеком. Не поняла бы и не одобрила. Раз влюбился, пусть разводится. Нечего тут гаремы устраивать. Шура прекрасно представляла себе, как Эльвира Викентьевна фыркнула бы и стала объяснять Шуре, какая она дура непроходимая. А, кроме того, Шуре нестерпимо

хотелось курить. Делать это при матери, она тоже опасалась. Эльвира Викентьевна никогда не курила и категорически не выносила табачного запаха и курящих женщин. Курящих женщин она вообще считала чуть ли не проститутками.

– Ну, что, Сюзенька, пойдём? – наконец обратилась Эльвира Викентьевна к сумке, стоящей на соседнем стуле. Из сумки показалась голова Сюзеньки.

Сюзенька, она же Эсмеральда была любимой собакой Эльвиры Викентьевны породы Чихуа-хуа и стоила бешенных денег. Сюзенька невозможно раздражала Шуру своим внешним видом, выпученными глазами, вредностью и визгливостью. У Федора при первой встрече с Сюзенькой шерсть стала дыбом, хвост вытянулся трубой. Он начал как-то боком подпрыгивать вокруг собачонки, а когда Сюзенька на него тявкнула, издал грозный боевой клич «Мрэ-э-э-о!!!», после чего Сюзенька заткнулась и описалась. С тех пор, встречая Сюзеньку на общих семейных вечеринках, Федор смотрит на нее презрительно и чуть что бьет лапой по морде.

Эльвира Викентьевна, вызвав откровенное недовольство Сюзеньки, полезла в сумку за кошельком.

– Я заплачу, – остановила мать Шура.

– Вот и славно! Наконец-то я дожила до того времени, когда дети за меня платят, – резюмировала Эльвира Викентьевна и встала.

– А что? У тебя есть еще какие-то дети, о которых я не знаю? – Шура изобразила на лице большое удивление.

– Ох, мало я тебя порола, – заметила Эльвира Викентьевна, подхватила сумку с Сюзенькой и, покачивая бедрами, направилась к парковке, где стоял ее роскошный кабриолет марки «Мерседес».

Мужчины, присутствующие в кафе, встрепенулись и проводили Эльвиру Викентьевну заинтересованными взглядами. Шура посмотрела на часы. До встречи с Кирсановым оставался еще час. Интересно, куда он ее повезет? Сказал, что будет сюрприз. Шуре давно уже хотелось пойти с Кирсановым куда-нибудь вместе. В театр или на концерт или вот летом, хотя бы на пляж. Но это было невозможно. Вдруг кого-нибудь из его знакомых встретят. Надо было соблюдать конспирацию. Хорошо бы все-таки он повез ее на концерт. Летом в Питере, кто только не гастролирует! Шура заказала себе еще кофе, закурила и стала рассматривать окружающих. Окружающие не представляли из себя ничего интересного. Сплошные пупсики и старперы. А туда же! Эти мужчины даже в подметки не годились ее Кирсанову. Однако, когда Шура, уже расплатившись, шла к своей машине и чувствовала на себе их такие же заинтересованные взгляды, как и те, которые они бросали вслед ее матери, Шуре было приятно. Очень.

Кирсанов повез Шуру не на концерт, а на дачу к какому-то своему приятелю, который в это время был в отпуске за границей. Дача была довольно симпатичной и располагалась неподалеку от дачи Пьетрофича в престижном Курортном районе. В ней, как и у Пьетрофича был весь набор загородных развлечений. Беседка для барбекю, баня и бассейн. Бассейн был довольно приличных размеров.

– «Наверное, двенадцатиметровый», – подумала Шура, наметанным взглядом окинув бассейн. Такой же был и у Пьетрофича. Шуре стало скучно.

– Вот, Сашенька, ты хотела на пляж. Чем тебе не пляж? – сказал Кирсанов, обводя рукой богатство своего приятеля.

«Ничем», – хотела ответить Шура, но сдержалась. Шура терпеть не могла, когда ее называли Сашенька, а Кирсанов упорно не хотел звать ее Шурой.

– Какая же ты Шура? – говорил он, когда Шура высказывала ему свои претензии. – Ты Сашенька!

Обычно после этого он крепко прижимал к себе Шуру, и она переставала злиться, хотя это его «Сашенька» очень даже смахивало на «Сюзеньку».

Про купальник для бассейна он ей тоже ничего не сказал, это вызвало в Шура дополнительное раздражение. Наверное, сюрприз, по его мнению, предполагал, что Шура будет резвиться в бассейне голышом. Расхаживать голышом, Шура тоже терпеть не могла. Похоже, сказывались ее комплексы насчет собственной фигуры, укоренившиеся в Шуриной голове с детства. Сейчас фигура у Шуры была просто замечательной, но перебороть свою застенчивость Шура не могла. Да и зачем? В конце концов, это просто неприлично. Вот так вот приехать на чужую дачу и скакать голой. Ясное дело, что кончится все это занятиями любовью в этом самом бассейне. А микробы? Ведь, как ни крути, а это же чужой бассейн. Неизвестно еще чего сами хозяева в нем вытворяли. Или не хозяева. Мало ли у этого хозяина разных друзей, которые в его отсутствие пользуются этой дачей и этим вот бассейном. Нет! На это Шура пойти никак не может. Ей захотелось немедленно убежать отсюда, тем более, что до дачи Пьетрофича можно было бы добраться и пешком, а уж оттуда ее кто-нибудь до города обязательно подкинёт.

Каждый раз, когда Шура оказывалась где-либо без своей машины, она тысячу раз об этом жалела и тысячу раз поминала своего отчима Пьетрофича добрым словом. Девушке просто необходима мобильность и независимость в передвижениях.

– Ну, ты чего нос повесила? – Кирсанов подошел к Шура и взял ее за подбородок.

Почему-то захотелось столкнуть его в бассейн. Прямо в модных ботинках и дорогом костюме.

– Что-то не хочется мне тут купаться, – честно ответила Шура.

– Не дури, раздевайся, давай. У нас времени мало, – он посмотрел на часы и стал стаскивать с себя галстук.

Это у Шуры сегодня был выходной, а у Кирсанова день был обычный рабочий. Не операционный, конечно, в операционные дни Шура с Кирсановым не встречались, а обыкновенный рабочий день, наполненный разными административными вопросами.

«Вот тебе и сюрприз», – подумала Шура и чуть не расплакалась. А с другой стороны, чего она хотела? Он же женатый занятой человек. Год назад от одной только мысли, что такой вот красивый мужчина привезет ее на тайное свидание, Шура лопнула бы от счастья. А теперь вот кочевряжится.

Шура, нехотя, сняла с себя одежду и прыгнула в бассейн. Из головы не выходили рассказы Нины Константиновны о зловредной гарднарелле, которая таится в водной среде. И уж если погибает, то исключительно от огромного количества всяческих химикатов. Так что или гарднарелла, или ядовитые химикаты, которые тоже для женского организма не совсем полезны. Третьего не дано.

Ясное дело, что Шура от этих мыслей было не до секса и уж, тем более, не до любви. Кирсанов, наверное, почувствовал эту ее напряженность, поэтому долго возиться не стал. Сделал все быстро, по-деловому, недовольный вылез из бассейна, вытерся и стал одеваться. На Шуру он не смотрел.

Шура выбралась из бассейна, завернулась в полотенце, подошла к суровому Кирсанову и заглянула ему в глаза.

– Сашенька, – строго сказал Кирсанов. – Если ты не в духе, то в следующий раз так и скажи. Можем никуда ведь и не ездить. Я делаю все, что могу. Прости меня, но больше я тебе дать ничего не в силах. Мои обстоятельства тебе прекрасно известны.

– Угу, – Шура обняла Кирсанова и заплакала.

– Ну, вот еще! – Кирсанов высвободился. – Терпеть не могу, когда девки плачут. Почему вы все свои проблемы пытаетесь слезами решать?

– Я не пытаюсь свои проблемы слезами решать. Я просто плачу, потому что мне тебя жалко.

– Меня? А меня-то, почему жалеть надо? – Похоже было, что Кирсанов искренне удивился.

– Как?! Ты же обиделся, – в свою очередь удивилась Шура и перестала плакать.

– Александра! Ты сводишь меня с ума. Одевайся, поехали. Хватит с меня на сегодня приключений.

Шура покорно направилась к своей одежде.

– Отвернись, – сказала она Кирсанову.

– Дурдом и детский сад! Я пойду к машине. Оденешься, приходи, – Кирсанов повернулся на каблуках и ушел.

Шура быстро оделась и кинула полотенца в корзину для грязного белья, стоящую неподалеку. Она не стала заглядывать внутрь, боясь увидеть там другие полотенца, или еще чего-нибудь и вовсе неприятное.

В город они ехали молча. Шура поклялась, что больше никогда не будет встречаться с Кирсановым где-либо, кроме своей квартиры. Уж там-то точно никакую заразу не подцепишь.

На следующий день у Шуры была полная запись, однако она выкроила время, чтобы забежать к Кирсанову. Было немного стыдно за вчерашнее. Действительно, раскапризничалась, как какая-то «нехочуха». Шура чувствовала в себе потребность извиниться. Захотелось уткнуться носом Кирсанову в галстук и почесать ему за ухом.

Шура прибежала в приемную перед кабинетом главврача в тот самый момент, когда из кабинета Кирсанова выходила чрезвычайно симпатичная беременная женщина. Женщина чем-то смахивала на Эльвиру Викентьевну, а вот прическа у нее была точь-в-точь, как у Шуры. Так что, если б не живот, то вполне тоже можно было бы танцевать с Джоном Траволтой то самое ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-, ну, вы знаете.

– До свидания, Светочка, – попрощалась она с секретаршей Кирсанова, окинула Шуру любопытным взглядом и направилась к выходу.

– До свидания, Дарья Андреевна. – Светочка излучала бесконечную вежливость и в этом состоянии смахивала на медовый пряник. Прямо сочилась вся. Такой приторной секретаршу Кирсанова Шура еще никогда не видела.

– Кто это? – спросила Шура у Светочки, когда за женщиной закрылась дверь.

– Вы не знаете? – удивилась Светочка, – Это же Дарья Андреевна, жена нашего Кирсанова.

– Дарья Андреевна? – У Шуры глаза полезли на лоб. Вот тебе и жаба пупырчатая!

– Ну, да! Это официально, для посторонних, а сам Кирсанов ее Дашенькой зовет, я сама слышала. Там такая любовь, такая любовь..., – Светочкины глаза наполнились слезами. – Ну, просто муси-пуси самые настоящие. У них с Дашенькой скоро малыш будет, – Светочка опять засочилась медом, а Шуре стало до тошноты противно.

– А чем эта Дашенька занимается? Домохозяйка? – Шуре почему-то захотелось, чтобы жена Кирсанова оказалась безмозглой курицей-домохозяйкой.

– Нет, что вы! Она бизнесвумен. Управляет активами своего отца. Он же партнер Кирсанова в нашей клинике.

– Тоже врач? – удивилась Шура, потому что все врачи мужского пола, имевшиеся в клинике «Космос», по возрасту никак не годились в отцы этой Дарье Андреевне.

– Почему врач? Нет. Он бизнесмен. – Светочка аж руками развела от Шуриной непонятливости и тупости. – Чего непонятного?

– Ага. Папа бизнесмен, а дочка бизнесвумен. Все понятно. – Шура пожала плечами. Конечно, а как иначе? – Вот если б папа был врач, то и дочка была бы врачаха.

– Наш Папа, – Светочка многозначительно указала пальцем в потолок, и Шура тут же представила Дона Корлеоне в исполнении Марлона Брандо, – Живет в Америке, а Дарья Андреевна тут на хозяйстве. На бизнесе. И в бизнесе этом не только наша клиника, еще куча каких-то домов и бизнес-центров. И всем она управляет. Между прочим, даже несмотря на беременность. – Светочка явно гордилась женой своего босса.

– То есть, дом, в котором находится наша клиника, принадлежит жене Кирсанова? – на всякий случай решила уточнить Шура.

– Ну, да!

Шура задумалась и в этой своей задумчивости ляпнула:

– Вот тебе и картина Репина «Не ждали»!

– Чего? – не поняла Светочка.

– Ничего, это я сама с собой разговариваю. – Шура направилась к выходу.

– А, понятно. Вы чего хотели-то?

– Не помню. – Шура махнула рукой, ей нестерпимо хотелось плакать. – Наверное, что-то неважное, раз забыла.

– Я скажу Игорю Николаевичу, что вы заходили, – вслед Шура сказала услужливая Светочка. Это, конечно, было бы уже лишним, но у Шуры не было сил с ней спорить, она вышла в коридор и поплелась в свой кабинет. Плакать было нельзя, впереди еще куча пациентов. Запись до самого вечера. Плакать Шура будет дома.

Пока Шура вела прием, она несколько отвлеклась от своих печальных мыслей. Ведь ей очень нравилась ее работа. Особенно, когда дело касалось филлеров. Вот уж где медицина шагала семимильными шагами, так это в косметологии. Для того, чтобы продлить молодость и избежать пластической операции, придумывались разные процедуры, аппараты, изобретались новые лекарства. Филлерами можно было заполнить пустоты, ямы и борозды, возникающие с возрастом на лице. Шура колола пациенток, а потом, как скульптор вылепливала на их лицах утраченные со временем прекрасные черты. Стоила такая процедура дорого, но эффект был виден сразу. Многие пациентки уходили очень довольными и рекомендовали Шуру своим подругам. Так что пригодился Шурин скульпторский и художественный талант. Шура всегда знала, куда и сколько вводить препарата, чтобы вернуть лицу ускользающую молодость и красоту. А иногда даже и исправить природные дефекты.

Пару раз во время приема к ней заглядывал Кирсанов, но Шура махала на него руками, делая свирепое лицо. Мол, уходи, все потом, не видишь разве сколько народу. Когда Шура, наконец, освободилась и буквально выползла из клиники, машины Кирсанова на парковке уже не было. Шура так устала за этот день, что с трудом добралась до дома. Ехала практически на автопилоте. Есть совершенно не хотелось, она набрала себе горячую ванну и с удовольствием плюхнулась в ароматную пену. Тут же вернулись мысли об увиденном в приемной и о том, что ей поведала Светочка. В принципе Светочка Шура ничего особенно нового и не сообщила. Кирсанов же сразу честно сказал, что живет с женой из-за денег и бизнеса. Светочка только прояснила, в чем именно этот бизнес заключается. Но Шура-то представляла себе жену Кирсанова совсем по-другому. Она думала, что несчастный Кирсанов из-за денег и любимой работы вынужден делить кров с настоящим крокодилем. Однако увиденная Шурой женщина ни на крокодила, ни на пупырчатую жабу совсем не походила. Ни капельки. Напротив, жена Кирсанова очень даже смахивала на саму Шуру. Ну, или наоборот, Шура смахивала на жену Кирсанова. Опять же, стало понятно, почему Кирсанов зовет Шуру Сашенька. Дашенька и Сашенька. Чудесно! Даже если напутаешь, то кто там разберет, какую ты первую букву в имени назвал. Тьфу ты, гадость какая! Еще и беременна эта Дашенька. И отнюдь не ветром ей эту беременность надуло. Это вынужденный жить из-за денег с нелюбимой женой Кирсанов, оказывается, не всегда перчаточками пользуется. Не иначе, как из-под палки, бедняга, исполнял свой супружеский долг. Так что по всему выходит, что Шура вроде игрока запасного состава. Да уж, Сашенька, права Эльвира Викентьевна – балда ты и дура дурацкая! Шурочка, выходит, дурочка! Шура стало настолько тошно, что в голову закралась поганая мысль, засунуть голову в воду и лежать так, пока не кончится воздух.

Но тут дверь в ванную комнату заходила ходуном, а Шура увидела торчащие из-под двери серые лапы. Федор протестовал. Чувствовал, наверное, хозяйкины поганые мысли. Шура пред-

ставила, как она захлебнется в ванной, а Федор помрет от горя и голода. Этого нельзя было допустить! Ни один мужчина не стоит страданий ее любимого кота. Шура всполошилась и открыла устройство для слива воды. Она выбралась из ванны, вытерлась и кинулась к Федору. Обнимала его так, как будто неделю не видела. Федор жмурился, урчал и перебирал лапами. Шура смотрела на воду в ванной, закручивающуюся в стремительную воронку, и ей казалось, что весь ее роман с Кирсановым утекает в сливное отверстие. От этого зрелища у Шуры вдруг проснулся зверский аппетит. Она помчалась на кухню, достала из холодильника сыр, открыла бутылку красного вина и устроила себе маленький праздник.

Утром Шура позвонила в «Люкс Престиж» и записалась на стрижку к ворчливой Тане. Теперь попасть к Тане оказалось не так-то просто, но Шура решила, что еще неделю она потерпит свою похожесть на жену Кирсанова.

Всю следующую неделю Шура под разными предложениями избегала Кирсанова. Объясняться с ним не хотелось. Да и чего, собственно, объяснять? Что Шура иначе представляла себе его жену? Или, что фантазировала про их с женой отдельное проживание? Или про то, что мечтала родить Кирсанову ребенка? Надеялась, что когда-нибудь он уйдет от жены и женится на Шуре? Ну, не дура разве? Так что в собственной глупости признаваться Кирсанову Шуре совершенно не хотелось. Хотелось убежать, спрятаться и никогда больше Кирсанова не видеть. Но как тут его не видеть, когда он главный врач? Вот и зашел, в конце концов, к Шуре в кабинет в тот момент, когда у нее случайно организовалось окно в записи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.